

**НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
ЧЕШСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ**

В статье описываются настроения в чешском обществе накануне и в начале Первой мировой войны. На основе документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного исторического архива (РГИА) раскрываются различные планы и варианты решения «чешского вопроса», анализируются позиции ведущих чешских политиков в начальный период войны.

Ключевые слова: чешские земли, Первая мировая война, позиции чешских политических лидеров.

Как сообщал в Петербург 10 июля 1914 года управляющий российским консульством в Праге коллежский асессор М. Казанский: «Известие о трагической смерти наследника престола застало пражское общество в разгаре веселья¹. Несмотря на живейший интерес, вызванный событием, последнее не произвело среди чехов особенно горестного впечатления... Политическое значение кровавого события до сих пор обсуждается как в прессе, так и в обществе весьма сдержанно»². Казанский отмечал, что, наряду с официальным, в большинстве случаев искренним, порицанием убийства, среди чешских партийных кругов высказывалось скорее удовлетворение относительно возможного изменения политики в желательном для славян смысле. Даже такие опытные политические деятели, как Крамарж, Клофач, Шейнер, не думали, что это событие явится поводом для начала войны. Они лишь выражали опасения относительно участи боснийского населения, у которого могли быть отняты последние признаки местного управления³. Наследника престола в Чехии характеризовали как слабовольного, впечатлительного и не очень серьезного человека, хотя во время своего пребывания в Праге он и приобрел некоторые симпатии чешского населения. «В общем, – заключал свое послание Казанский, – средними обывателями довольно откровенно выражается радостное чувство по поводу того, что инициатор противославянской и противорусской политики сошел со сцены»⁴.

В следующем своем донесении от того же числа Казанский сообщал, что чешское общество в то время было весьма озабочено очередным провалом чешско-немецкого соглашения. Он указывал, что соглашение расстроилось по вине немецких делегатов (речь шла о языке в округах со смешанным населением и вообще о возможности возобновления совместной работы представителей обеих национальностей

¹ Дело в том, что в Брно в это время проходил очередной сокольский слет.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 40.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 40 об.

⁴ Там же.

в местном сейме). Чешская печать всех лагерей была возмущена усилением принципа абсолютизма в землях Чешской короны (то есть введением новых законов помимо парламента и местных сеймов)¹.

Хотя убийца Франца-Фердинанда и являлся подданным империи, Австро-Венгрия обвинила сербское правительство в организации убийства и предъявила ему заведомо неприемлемый ультиматум. В ответ на отказ Сербии принять первый пункт ультиматума 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Россия начала всеобщую мобилизацию, и 1 августа Германия объявила войну России. Вскоре война приобрела мировой характер.

В Австро-Венгрии с началом войны были отменены конституционные права, распущен парламент, военные трибуналы получили возможность рассматривать дела гражданских лиц, была введена жесткая цензура печати, почтовых и телеграфных отправок. Уже в самом начале войны чешские политики разделились на два лагеря: одни были уверены в победе центральных держав и направляли свои усилия на решение чешского вопроса в рамках конституционной перестройки Австро-Венгрии (клерикалы, социал-демократы, партии чешских немцев). Другие были настроены проантантовски и допускали решение чешского вопроса вне рамок двуединой монархии (хотя единства здесь не было из-за различной внешней ориентации – Россия или Запад).

4 августа К. Крамарж опубликовал в *Národních Listech* статью, где охарактеризовал войну как столкновение германского мира со славянством². Уже в самом начале войны внутри отдельных чешских политических течений стали возникать группы сопротивления, деятельность которых (в основном разведывательно-информационного характера) была направлена против Австро-Венгрии. Одной из первых групп такого типа стал кружок внутри младочешской партии, сложившийся вокруг Крамаржа. В него, помимо самого лидера младочехов, входили А. Рашин, генеральный секретарь партии Ф. Сис, Б. Франта. Через брата Сиса Владимира, корреспондента *Národních Listů* в Софии группа поддерживала тайную связь с границей. Они пытались привлечь к своей деятельности других членов младочешской партии, поддерживали связь со Сватковским, которому передавали сведения о ситуации в Чехии и в Австрии из пражских полицейских и административных данных, а иногда и из венских источников [6, s. 57].

Две другие антиавстрийские группы сопротивления составляли представители государственно-прогрессивной партии (А. Гайн, Л. Борский, В. Дык), выславшие своего представителя Л. Сыхраву в Швейцарию, и прогрессисты (реалисты) с Т. Г. Масариком во главе. Причем реалисты (Т. Г. Масарик, Э. Бенеш, П. Шамал, Й. Заруба-Пфедферманн, В. Боучек, Я. Вербен, С. Душек, Ф. Веселы, Г. Дубски) старались установить связь со всеми группами сопротивления, кроме группы Крамаржа, контактов с которой в начале вообще не существовало [6, s. 57–58].

4 сентября был арестован В. Клофач, известный своим русофильством, а также некоторые другие национальные социалисты, анархисты и представители

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 Полит. Архив Канцелярии. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 42.

² *Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 40; Archiv Národního Muzea (ANM). F. Karel Kramář. Kart. 66.*

антимилитаристской молодежи. По мнению чешского историка И. Шедивого, эти меры носили превентивный характер, так как обвинение в отношении Клофача было выдвинуто лишь в конце мая 1917 года [6, с. 56].

10 октября 1914 года бывший имперский консул в Праге коллежский советник Жуковский передал барону М. Ф. Шиллингу в Петроград записку о восстановлении Чешского королевства. Это был один из вариантов решения чешского и словацкого вопросов. Жуковский писал, что численность чехов и словаков составляет около 10 млн, они смогут выставить армию в 300–400 тысяч, и среди них достаточно распространена всеславянская идея. Жуковский отмечал, что младочехи с недоверием относились к кажущейся русско-германской дружбе, предполагали раздел Австрии уже предначертанным и, опасаясь стать жертвой германского натиска на восток, выдвигали временно принцип, когда-то высказанный Палацким, что «если бы Австрии не существовало, то ее следовало бы создать». При этом чехи указывали, что для спасения монархии правительство должно идти по пути славянских интересов: допустить Сербию к морю, способствовать экономическому сближению австрийских и балканских славян, ослабить влияние венгерской политики. Однако эта программа, выдвигаемая главным образом Крамаржем, сочувствия в Вене не встречала. Жуковский констатировал, что «австрославизм, которого можно было опасаться вслед за всеславянским съездом в Праге 1908 г., постепенно терял свое значение и не имеет теперь под собой никакой почвы...»¹. Главной целью младочехов, по мнению Жуковского, была борьба с дуализмом и расширение чешско-словацких прав до раздела Австро-Венгрии, который казался чешским политикам неизбежным при ее внешнеполитической ориентации на Берлин. Младочехи выступали за усиление Австрии в союзе с Венгрией².

Чешские политики антигабсбургской ориентации ждали осенне-зимнего победоносного наступления русской армии, которая займет территорию Чехии. Эти ожидания были небеспочвенны. 23 августа началось Галицийское сражение, где с обеих сторон одновременно сражались 1,5 млн человек. Русская армия одержала впечатляющие победы в битвах на реках Золотая Липа, Гнилая Липа. Уже в августе русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии, заняв часть Галиции и северной Буковины [1, с. 9]. 2 сентября русские войска захватили Галич, 3 сентября – Львов. С 12 сентября началось общее отступление австрийских армий к Карпатам, крепость Перемышль была окружена русскими войсками. К концу сентября русские войска продвинулись на 200 км. Силы Австро-Венгрии были подорваны, она потеряла почти половину своего состава – 400000 человек, из них 100000 пленными, и свыше 400 орудий. Однако потери русских были тоже велики (230000), и на фронтах наступило временное затишье [4, с. 504–509]. Но, принимая во внимание крупные успехи русских в Галиции, Жуковский тоже рассчитывал на скорое вступление российских войск на территорию Чехии, а потому старался определить план дальнейших действий. Он указывал: «Когда русские войска войдут в Чехию, выборные чешского народа должны будут прибыть в Петроград из Праги. Среди этих людей заслуживают доверия имперского

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 5.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 5 об.

правительства профессор, ректор Чешского университета Яромир Челаковский (ему можно поручить разработку основного закона о Королевстве чешском). Ценными сотрудниками и советчиками являются: Крамарж, Клофач, проф. Масарик, Прейс, Голечек, Каллаш, Грубый, д-р Черный, д-р Шейнер, проф. Поливка, д-р Пинкас, д-р Псота (из Прешова), из Словачины [*Словакии – Е. С.*] – Светозар Гурбан Воянский»¹.

Подходящей формой правления для чехов Жуковский считал сильную славянскую королевскую власть на конституционных основах. Что касается католической веры, то пражский консул полагал, что она не столь сильна, как в Польше. «Католицизм чехов..., – писал он, – не проникает глубоко в сознание народа и, при свободе православной церкви и русском обучении чешской молодежи, постепенно потеряет свое значение государственной религии, тем более, что рядом с ним жива идея гусизма, весьма близко соприкасающаяся с православием»². Жуковский считал, что Чехии нужен именно православный король, как символ полного разрыва с прошлым, так как только православный глава чешского народа мог бы повести его к сближению с восточным славянством и сербским племенем и «отклонить народный дух от увлечения польским величием»³. Король-католик, по мнению российского дипломата, «подпав под влияние Ватикана и иезуитов, будет питать идеи о соединении Чехии с Польшей, а это – опасность, которую надо предусмотреть и избежать»⁴.

В своей записке Жуковский упоминал о существовавших в общественной мысли Чехии трех вариантах решения чешского вопроса: 1) инкорпорация Чехии Россией; 2) установление республиканской формы правления и 3) создание чехо-моравско-словацкого королевства. Жуковский был уверен, что первый вариант безусловно следует отклонить, так как он противоречил идее настоящей войны и был чужд молодой чешской интеллигенции. Ему казалось, что второй вариант не имеет серьезной почвы, так как не отвечает историческим традициям чешского народа. Для достижения успеха русских политических задач необходимо было поддерживать третье направление – то есть стремиться к возрождению чехо-моравско-словацкого королевства под эгидой государя императора. Бывший консул видел вред для российских политических интересов в создании триединой монархии. Интересны его рассуждения о составе будущего Чешского королевства. Слияние Чехии и Моравии оправдывалось бы тем, что там и там проживало одно племя. Жуковский считал, что Словакия (в тексте «Словачина») с тремя миллионами населения сама по себе не жизнеспособна, а потому охотно присоединится к Чехо-Моравии, но на основе сохранения автономии в управлении, языке и школе. Чехи со своей стороны охотно соединятся со Словакией (у словаков сохранились более чистые начала славянского быта и языка) и, как он несколько наивно предполагал, будут уважать словацкие требования самоуправления. Жуковский отмечал, что в Словакии были также стремления «слиться с Россией», но для России «Словачина была бы лишней окраиной, требующей

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 6.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 7 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

расходов»¹. Поэтому, как он полагал, было гораздо выгоднее усилить ядро Чешское, соединив с ним Словакию. Он писал о словаках: «Словаки, несмотря на самые невыгодные исторические условия своего существования, сохранили свой славянский облик, черты славянского быта и глубокое понимание задач славянского мира», и цитировал профессора Флоринского, говорившего, что «быть может нигде в Австро-Венгрии славянская идея не пустила таких глубоких корней, как в словацком народе»².

С этим мнением солидаризуются и современные историки. Г. В. Рокина, например, отмечает, что все три концепции славянской взаимности – языковый панславизм Я. Н. Геркеля, культурно-литературная взаимность Я. Коллара и «панславистский манифест» Л. Штура – возникли именно в Словакии [2, с. 17]. Соединение Словакии с Чехо-Моравией, по мысли Жуковского, со временем оказало бы оздоровляющее влияние на язык, быт и идеи чешского народа. Далее в записке давался краткий очерк истории государственного права чешских земель и делался вывод о том, какими принципами следует руководствоваться при определении будущих границ Чешско-Моравско-Словацкого королевства. Жуковский писал, что иезуиты и Габсбурги привели Чехию к Белой горе и историческое право было попорно. «В настоящее время, – отмечал пражский консул, – признавая, как основу будущего королевства, его историческое право, необходимо принять в соображение и судьбу Словачины, то есть другими словами, историческое право должно получить корректив согласно современным условиям; к этим условиям относится также невозможность отнести к Чехии те районы Силезии, где имеется значительное польское большинство. При определении границ... следует принимать в соображение стратегические условия»³. Само название королевства, по проекту Жуковского, весьма примечательно (Чешско-Моравско-Словацкое). Вероятно, предполагалось объединение этих земель на основе определенной автономии частей. Кроме того, интересно и обоснование принципа определения границ будущего государства (не только государственно-историческое право, но и стратегические соображения).

В октябре 1914 года с меморандумом к министру иностранных дел России С. Д. Сазонову обратился и Т. Г. Масарик. По мнению М. Д. Савваитовой, обращение этого политического деятеля к российскому МИД было довольно неожиданным, так как в предвоенные годы он воспринимался в России как человек прозападной ориентации, критически настроенный к славянской идее и русофильству [3, с. 115]. На самом деле объяснялось это военными успехами России. Масарик безусловно следил за развитием ситуации на фронтах и был весьма прагматичным политиком. Его план был более гибкий по сравнению с планом Славянской империи Крамаржа, но в российском МИД он также был воспринят весьма скептически [3, с. 114–116]. В это время в России преобладало мнение о необходимости решения чешского вопроса в рамках Австро-Венгрии путем перестройки ее в триединую монархию (об этом С. Д. Сазонов беседовал с французским послом М. Палеологом) [3, с. 118]. В архиве внешней политики

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10–11.

Российской империи хранится записка на английском языке, датированная 24–25 октября 1914 года. В ней цитировались слова наместника Туна, что все чешские партии без исключения имеют славянскую программу и прославянски настроены, что нация русофильская и сербофильская, и это нельзя изменить. Говорилось и о том, что пресса контролируется, но общество настроено прорусски. В записке также высказывалась идея создания чешского королевства, но с датским или бельгийским принцем во главе (так как 3–4 млн немцев скорее признают бельгийского принца, но не представителя династии Романовых). В случае захвата Праги, русские, по мнению автора записки, должны будут призвать чешских лидеров в качестве советников. Предполагалось, что ими станут д-р Крамарж от младочехов, Швигла от аграриев, Клофач или Хоц от национальных социалистов, Масарик от реалистов¹.

В связи с началом войны российский резидент В. Сватковский, работавший до войны в Вене под крышей Петербургского телеграфного агентства, переехал в Рим, затем в Цюрих и наконец в Берн². Из Берна 5(18) декабря 1914 года в секретной телеграмме он шлет свое первое сообщение о создании комитета младочехов в составе Крамаржа, Рашина, Франты (последний находился в тот момент в Швейцарии). Сватковский передает в Петроград планы младочехов. Программа минимум предлагала решение чешского вопроса при сохранении Австро-Венгрии путем обеспечения Чехии широких автономных прав. Программа максимум предусматривала создание из чешских и словацких земель «королевства или вице-королевства под державой государя императора с полной суверенной автономией, но при единстве армии, дипломатии и таможенной территории»³. Сватковский писал: «Подробности изложены в проекте «Устава Славянской империи», представленном Крамаржем в июне сего года»⁴. Что касается границ, то предполагалось распространить их на юг в Верхнюю и Нижнюю Австрию до Дуная, не включая, однако, Вену. Венгерские и словацкие земли должны были отойти к королевству до Дуная и от поворота его прямой линией на восток. Сватковский указывал на намерения чехов ослабить Венгрию, отобрав у нее значительную территорию с невенгерским населением. Чехи не верили, что после войны венгры будут лучше относиться к славянам и к России. Комитет просил не придавать значения вынужденным заявлениям пражского городского головы Гроша (венские власти побуждали чешских политиков делать заявления о лояльности, а те, в свою очередь, были вынуждены лавировать). Грош, по сообщению Сватковского, действовал под угрозой учреждения в Праге императорского комиссариата. Младочехи сами критиковали тактику Гроша, но отмечали, что немецкая печать приписывала ему и то, чего он не заявлял, пользуясь, что чехи из опасений преследований не могут это опровергнуть. Сватковский передавал в Петроград, что положение даже умеренных чешских кругов тяжело, периоридически закрывались чешские издания, в том числе и газета *Národní Listy*. Сватковский передавал также просьбу Крамаржа и его товарищей, чтобы русские войска вступили на чешскую землю

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 23–28.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1358. Д. 930. Ч. 3. Л. 251.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 30.

⁴ Там же.

со стратегическими целями, а не для диверсионных действий. Так как в противном случае «чешское население, с радостью встретившее русских, подверглось бы затем возмездию, а страна – разорению, без какой бы то ни было пользы для русского оружия»¹.

Уже через восемь дней через российского посла в Риме Сватковский послал на имя товарища министра иностранных дел свое второе послание о приезде в Рим для беседы с ним и с делегатами хорватов и словенцев профессора Масарика. Масарик информировал Сватковского, что действует по соглашению с представителями различных политических партий: реалистов, национальных социалистов, государственников. Он заявил также, что имел контакты с социал-демократами, аграриями и младочехом Шейнером, имевшим связь с Крамаржем. Масарику было известно, что группа Крамаржа хотела установить после войны вице-королевство под державой российского государя императора. Масарик, по словам Сватковского, «признавая выгоды такого решения для чешских интересов, особенно в смысле таможенного объединения с Россией», весьма разумно полагал, что этот вопрос будет целиком зависеть от политического и военного могущества России в момент окончания войны². Будущий чехословацкий президент, как уже отмечалось, отличался реализмом и прагматизмом.

Далее Сватковский подробно излагал позицию Масарика, который заявлял, что общим желанием чехов было иметь русского короля («во всяком случае не немца, или способного обратиться в немца»), общую с русскими внешнюю политику, по крайней мере в первый период после войны, что военная сила также должна быть «в распоряжении освободителей»³. Масарик считал, что «чехо-словаки» должны иметь сильную военную организацию и состоять в военном союзе с южными славянами, имея с ними общую границу в полосе хорватских островов между Австрией и Венгрией. Он выступал за тесное таможенное соглашение с Россией. Целью и условием чешской независимости, по его мнению, было как можно большее ослабление Германии. При определении границ Чешского королевства, по его мысли, чехи должны были руководствоваться не исключительно этнографией, но требовать исторических и одновременно стратегических границ. Это позволило бы спасти лужичан и «грозить Берлину» из Лужиц. На юге границы чехо-словаков с Венгрией должны были проходить по Дунаю и от поворота его по водоразделу на восток. Эти идеи Масарика скорее всего являлись тактическими соображениями, продиктованными конкретной ситуацией. Масарик заявлял Сватковскому, что самостоятельность и сила чехо-словацкого королевства может быть обеспечена только «прочной без перерывов оккупацией Россией чешских и словацких земель»⁴, так как временное появление русских и возвращение австрийцев вызвало бы разгром страны и истребление политических вождей и организаций. Обширные списки опасных деятелей, по его сведениям, были уже готовы. Террор надвигался, особенно в восточных чешских землях. Поэтому он также просил, чтобы оккупация была планомерной, и с самого начала носила

¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 32.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 33.

³ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 33.

⁴ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 34.

не столько военный, но ясно выраженный политический характер, также как в Галиции. После оккупации должны были быть созданы административные органы, а сокольские дружины – привлечены к организации полицейской и гражданской службы.

Решение вопроса о национальных меньшинствах Масарик видел в их выселении (переселении). Он полагал, что из пограничных районов королевства, где наряду со славянами жили венгры, необходимо будет немедленно выселить «все наиболее вредные мажарские элементы»¹. Масарик еще раз повторил Сватковскому мысль о желательности после занятия русскими войсками Праги образовать национальный комитет для сношения военных властей с населением. В состав комитета он предлагал ввести «главнейших» политических вождей: младочеха Крамаржа, старочеха Матуша, национального социалиста Клофача, государственника Гайна, агрария Швеглу, реалиста Масарика. Из словаков, на его взгляд, наиболее компетентными политиками были редактор Штефанек и доктор Шробар².

27 декабря 1914 года С. Д. Сазонов получает секретное послание из Рима от А. Гирсы. В нем тоже рассказывалось о визите Масарика. Гирсе чешский политик высказал некоторые сомнения относительно возможности вхождения в Российскую империю западных славян из-за их католического вероисповедания. Масарик уверял, что католическая церковь всегда будет оппозиционно настроена по отношению к правительству страны, если католичество в ней не господствующая религия. Обсуждалось и отношение Чешского королевства к югославянскому государству, желательность общей границы между ними приблизительно вдоль западной границы между Австрией и Венгрией. Но Масарик в этом вопросе был немногословен, высказав лишь общие соображения. Сам будучи наполовину словаком, Масарик, по словам Гирсы, не проявил большого интереса к судьбе словаков, которых считал «народом экономически слабым и низшим по культуре»³. Гирса отмечал, что личные взгляды Масарика как в отношении австрийских властей, так и разных политических партий своих соотечественников не вполне ясны⁴. Скорее всего, Масарик придерживался тактики выжидания, стараясь не связывать себя окончательными решениями. Он, хотя и делал шаги навстречу российским дипломатам под впечатлением побед русского оружия, все же рассматривал Российскую империю лишь как одного из союзников.

26 декабря 1914 года российским МИД была получена очередная секретная записка В. Сватковского из Цюриха. В ней описывалось общественно-политическое положение в Австро-Венгрии, рассказывалось о славянах империи, особенно чехах, их настроениях и планах. Записка была составлена на основе полученных российским агентом сообщений Крамаржа, Масарика, Шейнера и других. В записке указывалось, что Австро-Венгрия держится против России исключительно за счет военной помощи Германии, так как военная организация ее потерпела

¹ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 34.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 42.

⁴ АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 43.

полное банкротство. В обществе царили пораженческие настроения и недовольство Германией, втянувшей Австро-Венгрию в войну. В Вену прибывали галицийские беженцы. В Венгрии настроение было более бодрое, но прошли демонстрации против дороговизны, иногда на них выдвигались и лозунги против войны. Славянские политики отмолчались, не сделав никаких лояльных заявлений по случаю годовщины вступления на престол Франца Иосифа (2 декабря). Основываясь на сообщениях присланного Крамаржем младочешского депутата Франты и реалиста Масарика, Сватковский сообщал об эволюции настроений в Чехии. В войну никто из чехов не верил. Для них она была полной неожиданностью. Первые успехи Германии и Австрии вызвали подавленность. Аресты Клофача, нескольких сотрудников его газеты *České slovo*, депутата национальных социалистов Лысаго, депутата партии государственного права (их орган *Samostatnost*) Прунара еще больше усилили подавленность. В чешском обществе наблюдалась вспышка русофильства и ненависть к евреям из-за устраиваемых ими чешско-немецких братаний. Сватковский отмечал, что против евреев сильно настроены и реалисты с проф. Масариком во главе¹.

Австрофильство чешских социал-демократов и аграриев, которое имело место в самом начале войны, как рукой сняло. Туну приписывали слова о том, что все чехи-русифилы, а разница только в том, что одни явные, а другие тайные. Далее Сватковский достаточно ядовито замечает о лидере реалистов: «Масарик, который раньше русофилом не считался, проникся русофильством во время четырех за время войны побывок в Берлине, где слышал от немцев только лестные отзывы о русской армии»². Российский агент далее отмечал единомыслие Крамаржа и Масарика по вопросу о военной стратегии наступления. «Как Крамарж, так и Масарик, оба лица, занявшиеся в настоящее время систематизацией чешского национального плана и объединением вождей всех чешских партий, усиленно настаивают и умоляют Россию не идти вразрез с чешским планом (т. е. планомерно и надолго занимать русскими войсками чешские области, а не совершать временные военные диверсии в чешские пределы»³, – писал он. Сватковский называет Крамаржа и Масарика «главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями»⁴.

С началом войны обстановка в чешских землях и в Словакии была сложной. Военный режим предполагал значительные ограничения гражданских прав и свобод, вводилась жесткая цензура. Любое выражение инакомыслия преследовалось. Ура-патриотические настроения и общественное воодушевление в связи с войной целенаправленно преувеличивались официальной пропагандой [5, с. 24–31]. Несмотря на это, часть чешских политических деятелей на родине и за границей

¹ Ранее Масарик никогда не был замечен в антисемитизме. Наоборот, выступив за пересмотр решения нашумевшего судебного процесса, в ходе которого еврей Л. Гильснер без достаточных оснований был обвинен в ритуальном убийстве чешской девушки, Масарик испытал на себе ярость антисемитской кампании. См.: *Серапионова Е. П.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 327.

² АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 16.

³ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 18 об.

⁴ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 19.

заняла антигабсбургские позиции и включилась в национально-освободительное движение. Они активно разрабатывали планы послевоенного государственного устройства, предполагавшие решение так называемого чешского вопроса. В самом начале войны ведущие представители чешской политической элиты, Масарик, Крамарж, несмотря на то, что еще накануне войны они были политическими противниками, выступили за тесный союз с Россией как в годы войны, так и после ее окончания.

Библиография

1. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.
2. *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола, 1998.
3. *Савваитова М. Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
4. *Черников И. И.* Гибель империи. М., СПб., 2002. С. 504–509.
5. *Dudeková G.* Vojnové nadšenie alebo odpor? Reakcie na vypuknutie 1. svetovej vojny // Historické revue v SR. Rok 1914: začiatok 1. svetovej vojny. 2014. № 7. S. 24–31.
6. *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 57.

E. P. Serapionova

THE BEGINNING OF FIRST WORLD WAR, CZECH SOCIETY AND ITS POLITICAL LEADERS

The article deals with the social moods in Czech lands on the eve and at the beginning of First World War. It is based on the archival documents of AVPRI and RGIA, which permit to show different plans and variants of the decision of so called “Czech question” and to analyze positions of Czech leading politics during the first period of war.

Keywords: Czech lands, First World War, political leaders’ positions.